

УДК 343.214

В.И. БОРИСОВ,

доктор юридических наук, профессор,
академик НАПрН Украины, заслуженный юрист Украины,
директор Научно-исследовательского института изучения проблем
преступности имени академика В.В. Сташиса НАПрН Украины

В.С. БАТЫРГАРЕЕВА,

доктор юридических наук, зам. директора Научно-исследовательского
института изучения проблем преступности
имени академика В.В. Сташиса НАПрН Украины

ИНЫЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ СОВЕРШЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННО ОПАСНОГО ДЕЯНИЯ

Аннотация. Статья посвящена проблеме определения содержания понятия «иные уголовно-правовые последствия», которое на сегодняшний день в уголовном законодательстве Украины не раскрывается. Утверждается, что несмотря на то, что законодатель в Уголовном кодексе Украины 2001 г. (далее — УК Украины) попытался придать больше определенности и четкости в вопросе правовой регламентации указанного института, однако лишь путем системного толкования нормативного материала, анализа суждений ученых и исследования истории законодательного решения данной проблемы в те либо иные периоды развития нашего государства можно установить перечень иных, кроме наказания, видов уголовно-правовых последствий.

В статье изложены доктринальный и законодательный подходы к решению проблемы установления составляющих, охватываемых понятием «иные уголовно-правовые последствия», содержания и целей, оснований, условий и порядка применения указанных последствий в законодательстве Украины. По данному вопросу сделан обзор основных позиций, которые существуют в уголовно-правовой науке Украины. Одновременно анализируются соответствующие подходы в теории и практике РФ, некоторых государств постсоветского пространства, а также в уголовном законодательстве государств Западной Европы и Северной Америки. Сделан вывод, что УК Украины более детально, чем предыдущее уголовное законодательство, регламентирует применение принудительных мер медицинского и воспитательного характера. При этом изучение отечественных научных источников свидетельствует, что проблема иных уголовно-правовых последствий как таковая еще далека до своего окончательного решения, поскольку украинской уголовно-правовой науке в этом вопросе присущ узко прагматический подход, ориентирующийся на раскрытие, хотя и всестороннее, но только какого-либо одного вида иных уголовно-правовых последствий.

Кроме того, в статье проанализированы соответствующие законодательные положения в современном уголовном праве Украины. Особое внимание уделено установлению правовой природы специальной конфискации и ответственности юридических лиц.

Ключевые слова: наказание, иные уголовно-правовые последствия, принудительные меры медицинского и воспитательного характера, специальная конфискация, ответственность юридических лиц.

Постановка проблемы. В части 3 ст. 3 УК Украины предусмотрено, что преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только настоящим Кодексом. Вместе с тем законодателем не раскрывается понятие «иные уголовно-правовые последствия», как и не дано в законе перечня этих последствий. Единственное, что четко можно уяснить из законодательной формулировки «наказуемость и иные уголовно-правовые последствия» это характер соотношения обозначенных в ней понятий. Если первое включает в себя признаки общего, применительно к последствиям совершения преступления, то второе — специального. Посредством «наказуемости» законодатель оценивает опасность преступного деяния для общества и угрожает возможностью применения к лицу, признанному виновным в совершении преступления, наказания. Однако если в отношении наказания в отечественном законодательстве об уголовной ответственности сложилась определенная «традиция» — актуализировать положения о данном уголовно-правовом последствии, особым образом подчеркивая это в отдельных главах УК Украины, в которых приводятся, в частности, понятие наказания, его цели и виды, нормы о его назначении и т.п., то в отношении «иных уголовно-правовых последствий» путем системного толкования нормативного материала удастся сделать лишь определенное предположение о видах таких последствий. В этой связи нельзя не согласиться с тем, что отсутствие необходимой строгости в употреблении того или иного понятия, в какой-то мере объяснимое для теоретических изысканий, вряд ли допустимо для применения законодательных формулировок [8, с. 36], к тому же призванных регулировать социально-правовую деятельность, стоящую в одном

ряду с наказуемостью преступного деяния.

Вместе с тем такой подход законодателя к определению круга составляющих, подпадающих под общее понятие «уголовно-правовые последствия», через использование словосочетания «наказуемость и иные уголовно-правовые последствия» — является наглядным свидетельством смешанной природы некоторых институтов уголовного права, что обусловлено потребностью в соответствующей реакции социума на общественно опасные деяния или на действия, им подобные по форме проявления, путем «заимствования» для этого отдельных мер и средств, присущих иным сферам социальной деятельности (медицине, психиатрии, педагогике, психологии, другим отраслям права и т.д.). В свою очередь, именно этим объясняется необходимость углубленного анализа понятия «иные уголовно-правовые последствия». К тому же обращение к столь сложной проблеме предопределяется и актуальностью вопроса неуклонного соблюдения конституционных прав, свобод и законных интересов физических лиц, а также интересов юридических лиц, в отношении которых эти «иные уголовно-правовые последствия» могут применяться.

Изложение основного материала. Несмотря на значительные доктринальные наработки в указанном направлении и законодательном закреплении как самой идеи, так и различных составляющих комплексного института «иные уголовно-правовые последствия», вопросы его определения; установления составляющих, их содержания и целей; оснований, условий и порядка применения отдельных субинститутов и др. на сегодня не получили окончательного решения. Это подтверждается наличием ряда спорных позиций в теории уголовного права, пробелами в законодатель-

ном урегулюванні багатьох аспектів застосування складових вказаного інституту і значущими труднощами, виникаючими в цій зв'язі в правозастосовній практиці.

Одним із таких проблемних питань, в першу чергу, є *установлення переліку* можливого правового реагування, охоплюваного поняттям «інші кримінально-правові наслідки», на здійснення певних суспільно небезпечних дій. Від цього буде залежати і подальший хід роздумів у визначенні суттєвих ознак і властивостей даного інституту кримінального права в цілому. Спробу встановити цей перелік, в методологічному плані своєрідними орієнтирами пошуку слід вважати, по-перше, звернення до історії законодавчого рішення даної проблеми в минулому, по-друге, розгляд законодавчого підходу до аналогічної проблеми в УК РФ і деяких інших державах пострадянського простору, а також в кримінальному законодавстві Західної Європи і Північної Америки, по-третє, огляд основних позицій по даному питанню в теорії кримінального права, по-четверте, аналіз відповідних законодавчих нових у кримінальному праві, що відбулися в останнє час в Україні.

Вивчення кримінального законодавства радянського періоду дає можливість зазначити, що в правовій сфері вже давно були «записані» *примусові заходи медичного і виховного характеру*. В кримінальних кодексах УСРС 1922 і 1927 рр., і навіть раніше — в Керівних початках по кримінальному праву РСФСР 1919 р.¹ вказані заходи, поряд з заходами

карально-правового впливу, складали відому триаду поняття «заходи соціальної захисту», хоча останній термін як загальний для всіх перерахованих заходів закріпився в Україні лише в 1927 р. Так, в ст. 5 УК УСРС 1927 р. (в якому законодавець, крім того, відмовився від поняття покарання аж до 1934 р.) вже чітко відзначалося, що до заходів соціальної захисту належать: 1) заходи судово-виправного; 2) медичного і 3) медико-педагогічного характеру. До заходів соціальної захисту медичного характеру належали примусове лікування (а), поміщення особи в медико-ізоляційні заклади (б), а до заходів соціальної захисту медико-педагогічного характеру належало встановлення опіки (а), передача неповнолітніх на виховання батькам, родичам або іншим особам, а також закладам і організаціям (б), поміщення в спеціальні заклади-реформаторії (в) (статті 23 і 24 УК УСРС 1927 р.). Пізніше ці заходи, причому в їх сучасному термінологічному позначенні, були прийняті УК УСРС 1960 р. (ст. 11 «Примусові заходи виховного характеру»; ст. 13 «Примусові заходи медичного характеру»). До прийняття в 2001 р. нового УК України на протязі майже 40 років існувала парадоксальна ситуація: на якому підставі ці заходи входили в предмет кримінально-правового регулювання? Відповідь дав Кодекс, в відміння від нині діючого, регламентував питання про вчинення злочину і покарання за ним, нічого не говорив про якісь-небудь інші кримінально-правові наслідки здійснення суспільно небезпечної дії, до яких традиційно і належать, в

¹ *Примечание.* В Керівних початках по кримінальному праву РСФСР 1919 р. передбачалися як заходи виховного (приспосабливального), так і медичного (лікувальні заходи і заходи передосторожності) характеру (подробнее см.: [27]).

первую очередь, применение принудительных мер медицинского и воспитательного характера.

УК Украины 2001 г. более детально, чем предыдущий закон, регламентирует применение принудительных мер медицинского характера. Понятие и цель таких мер, их виды, круг лиц, к которым они могут быть применены, а также общий порядок их назначения, продления, изменения или прекращения предусмотрены в разделе XIV Общей части УК. Относительно принудительных мер воспитательного характера следует отметить, что они определены в разделе XV «Особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних». По сравнению с УК Украины 1960 г. нормами настоящего раздела расширены возможности применения таких мер. Так, освобождение несовершеннолетнего от уголовной ответственности возможно не только за совершение преступления небольшой тяжести впервые (по терминологии УК 1960 г. — преступления, не представляющего большой общественной опасности), но и за совершение впервые неосторожного преступления средней тяжести. При освобождении несовершеннолетнего от наказания с применением принудительных мер воспитательного характера законом вообще не требуется, чтобы преступление небольшой или средней тяжести было совершено впервые. Суд, установив наличие искреннего раскаяния и последующего безупречного поведения лица на момент постановления приговора, не должен доказывать, что исправление подростка, освобожденного от наказания, может быть достигнуто путем применения воспитательных мер принудительного характера, как это

требуется во время освобождения несовершеннолетнего от уголовной ответственности.

Если обратиться к УК Российской Федерации 1996 г. (далее — УК РФ), то можно увидеть, что законодатель этого государства, пытаясь придать большей определенности и четкости правовой регламентации института «Иные меры уголовно-правового характера», в отдельной одноименной главе относит к таковым принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества¹, в то время как принудительные меры воспитательного воздействия как будто искусственно, по каким-то субъективным соображениям целесообразности и удобства в изложении нормативного материала, или возможно «случайно» (?) в УК РФ 1996 г. вынесены за пределы этой главы (хотя по своей сути принудительные меры воспитательного характера тяготеют ближе к обозначенному институту, нежели отдельные случаи принудительных мер медицинского характера). Кстати, в УК Эстонии меры воздействия медицинского и воспитательного характера объединены в общую главу 6 «Меры воздействия медицинского и воспитательного характера».

Безусловно, такой законодательный подход сказался на рассмотрении этого вопроса в теории уголовного права РФ. Так, если до изменений, внесенных в раздел VI УК РФ Федеральным законом от 27 июля 2006 г. №153-ФЗ, даже утверждалось о том, что принудительные меры медицинского характера и принудительные меры воспитательного воздействия нельзя считать уголовно-правовыми мерами, поскольку они не имеют уголовно-правовой природы [8, с. 37], то после этого события, напри-

¹ *Примечание.* В Украине подобный институт получил в УК несколько иное название — «иные уголовно-правовые последствия», что дает возможность его более ограниченного толкования, в частности, рассматривать его как дополнительное средство решения задач уголовного права.

мер, авторы учебника «Уголовное право России. Часть Общая» (2012) призвали строго придерживаться буквы закона, относя к мерам уголовно-правового характера только те из них, на которые прямо указано в разделе VI УК РФ [31, с. 533-557]. В то же время другие ученые утверждают, что законодатель произвольно объединил в одном разделе два совершенно разных уголовно-правовых института: институт принудительного лечения и институт конфискационных мер [20, с. 83-84]. Также существует мнение, что меры уголовно-правового характера следует дополнить еще и принудительными мерами воспитательного воздействия [3; 10], предлагая при этом перенести нормы о применении данных мер в раздел «Иные меры уголовно-правового характера» УК РФ с выделением в нем отдельной одноименной главы под названием «Принудительные меры воспитательного воздействия» [13].

Если обратиться к ч. 2 ст. 2, статьям 3, 6 и 7 УК РФ, то нетрудно увидеть, что «иные меры уголовно-правового характера» устанавливаются за совершение *преступления*. В такой ситуации ряд случаев применения принудительных мер медицинского характера (например, к невменяемым, лицам, совершившим преступление в состоянии вменяемости, но в дальнейшем заболевшим психической болезнью) по логике законодателя не может регламентироваться нормами уголовного закона, а, следовательно, не входят в предмет уголовно-правового регулирования. И действительно, некоторые ученые, подчеркивая этот факт, отмечают, что к числу иных мер уголовно-правового характера следует относить те из них, которые сами по себе являются уголовно-правовыми, т.е. меры, применение которых влечет за собой изменение статуса личности в связи с совершением преступления. Поэтому, по мнению

И.Э. Звечаровского, из числа мер уголовно-правового характера следует исключить принудительные меры медицинского характера, а также меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним [8, с. 37]. В свое время некоторые авторы предлагали даже перенести положения уголовного законодательства о принудительных мерах медицинского характера в соответствующие разделы гражданского, гражданско-процессуального законодательства и законодательства об охране здоровья [4, с. 14-15]. Однако уже на современном этапе развития уголовного права С.И. Курганов (очевидно, не без влияния законодательного подхода к решению проблемы иных мер уголовно-правового характера) делает вывод с точностью наоборот: из того, что в ч. 2 ст. 2 УК РФ говорится о мерах уголовно-правового характера за совершенные преступления, еще не следует, что все меры уголовно-правового характера применяются только за их совершение [17, с. 59].

Пытаясь найти выход из ситуации несогласованности законодательного подхода к пониманию иных мер уголовно-правового характера с некоторыми случаями применения принудительных мер медицинского характера, а также конфискации имущества и принудительных мер воспитательного воздействия, В.Д. Филимонов, в частности, предлагает компромиссное решение: меры медицинского характера и конфискация имущества назначаются *не за совершение преступлений, а в связи с совершением преступлений или иных общественно опасных деяний*. Указанные меры ученый считает необходимым относить к мерам безопасности, поскольку собственно меры уголовно-правового характера не могут существовать вне пределов уголовно-правовых отношений. В свою очередь, принудительные меры

воспитательного воздействия он предлагает относить к мерам административной ответственности, применяемым судом [32, с. 37]¹. В то же время ученым подчеркивается, что все перечисленные меры, хотя и не могут рассматриваться как меры уголовно-правового характера, однако имеются основания *считать их мерами, имеющими уголовно-правовое значение*, а поэтому вполне обоснованным является их включение в текст уголовного закона (например, принудительные меры медицинского характера уточняют основания применения уголовной ответственности и наказания; нормы, относящиеся к конфискации имущества, позволяют выявить разницу между конфискацией как уголовным наказанием и мерами, направленными на изъятие у преступника средств совершения преступления, а также имущества, добытого в результате совершения преступлений или предназначенного для их совершения; возможность исправления несовершеннолетних путем применения к ним принудительных мер воспитательного воздействия является одним из условий освобождения от уголовной ответственности и наказания) [32, с. 37-38].

В любом случае возникает вопрос: а что же относить к иным мерам уголовно-правового характера, которые в ч. 2 ст. 2 УК РФ имеет в виду уголовный закон? «Если исключить принудительные меры медицинского характера, принудительные меры воспитательного воздействия и конфискацию имущества из числа «иных мер уголовно-правового характера», то о каких «иных мерах уголовно-правового характера за совершение преступ-

ления» говорит ч. 2 ст. 2 УК РФ?» [17, с. 62] — справедливо задается вопросом С.И. Курганов.

Как видим, в современной российской уголовно-правовой науке обязательным пунктом дискуссий в области, о которой идет речь, становится вопрос содержательного наполнения понятия «иные меры уголовно-правового характера» перечнем его составляющих. Анализ взглядов относительно этих составляющих позволяет прийти к выводу, что существуют не только существенно отличающиеся интерпретации данного понятия, основанные на разном понимании природы и оснований применения тех или иных мер, но и предлагаются различные их комбинации, которыми обуславливается соответствие и содержание данного понятия. Причем своеобразным водоразделом в разнообразии предлагаемых позиций может быть констатация такого факта: придерживается ли тот или иной ученый, так сказать, традиционных взглядов на эту проблему, которые сформированы, в частности, под влиянием решения данной проблемы законодателем, или исследователь является сторонником широкого подхода к определению видов иных мер уголовно-правового характера, что отражается, в частности, в расширении перечня указанных мер за счет включения в него тех из них, которые охватываются наказуемостью преступного деяния.

Примером традиционного подхода (с учетом законодательных новелл последнего времени) является позиция российских исследователей С.И. Курганова и

¹ *Примечание.* Аналогичную позицию в плане отнесения принудительных мер медицинского характера к мерам безопасности занимают и другие ученые, в частности, Г.В. Назаренко, А.Б. Меджидова, Р.И. Михеев, С.В. Подубинская и др. (подробнее см.: [35, с. 42; 19, с. 38; 25, с. 413-414; 18, с. 729 и др.]. К слову, уголовному праву многих современных зарубежных государств так же известно понятие «меры безопасности», в том числе «меры безопасности медицинского характера». Данный термин употребляется, в частности, в законодательстве США, Франции, Испании, Болгарии, Республики Беларусь. Иногда эти меры в юридической литературе именуются социальными мерами защиты.

Ф.Б. Гребенкина, которые солидаризируются с законодательным подходом к обозначению перечня иных мер уголовно-правового характера, отмечают, что эти меры включают принудительные меры медицинского характера и конфискацию имущества [17, с. 59; 5, с. 219-257].

Представителем широкого подхода следует признать уже упоминавшегося В.Д. Филимонова, который отмечает, что иными мерами уголовно-правового характера могут считаться лишь меры уголовной ответственности, применяемые, как и наказания, за совершение преступлений. На этом основании к иным мерам уголовно-правового характера по смыслу ч. 2 ст. 2 и ст. 6 УК РФ он предлагает относить условное осуждение и отсрочку от отбывания наказания [32, с. 40]. Из контекста рассуждений И. Э. Звечаровского к иным мерам уголовно-правового характера следует относить все виды освобождения от уголовной ответственности и наказания, условное осуждение, замену неотбытой части наказания более мягким (или более суровым) и снятие судимости [8, с. 36-37]. В литературе встречаются также мнения, что к иным мерам уголовно-правового характера относятся принудительные меры воспитательного воздействия и принудительные меры медицинского характера [12, с. 28; 13; 26, с. 14], выдача лица, обвиняемого в совершении преступления, иностранному государству [15, с. 10], а также условное осуждение и отсрочка отбывания наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей [6, с. 16].

Как видим, почти в любой попытке установить перечень мер уголовно-правового характера, в частности тех, к которым добавляется прилагательное «иные», внимание исследователей-представителей широкого подхода, помимо проблемы их определения, перемеща-

ется в плоскость возможного соотношения этих мер с формами реализации уголовной ответственности. Так, например, утверждается, что применение иных мер уголовно-правового характера происходит, как правило, взамен уголовной ответственности; принудительные меры медицинского характера, конфискацию имущества, меры воспитательного воздействия, применяемые к несовершеннолетним, условное осуждение, отсрочку исполнения наказания беременным женщинам и женщинам, имеющим малолетних детей, условно-досрочное освобождение, некоторые дополнительные наказания и судимость можно считать своеобразной формой реализации уголовной ответственности; к формам реализации уголовной ответственности не относятся только принудительные меры, применяемые к лицам, страдающим психическими заболеваниями [2, с. 142; 11, с. 287]. Из последнего утверждения логичным представляется отнесение всех иных мер уголовно-правового характера к формам реализации уголовной ответственности.

Такой путь к установлению перечня иных мер уголовно-правового характера (посредством их соотношения с формами реализации уголовной ответственности), по мнению многих ученых, считается методологически правильным и логично обоснованным (К.А. Бузанов, И.Э. Звечаровский, С.В. Землюков, Т.М. Калинина, И.А. Коновалова, С.И. Курганов, В.В. Палий и др.).

Исследованию отдельных составляющих, отнесенных правовой доктриной к уголовно-правовым последствиям (их сущности, понятия, условий и порядка применения и т.п.), занимались и продолжают заниматься многие украинские ученые (Ю.В. Баулин, В.Н. Бурдин, Н.А. Гуторова, А.А. Житный, И.В. Жук, М.М. Книга, Л.Н. Кривоченко, В.В. Лень, А.А. Музыка, В.А. Навроцкий, Н.И. Панов,

Ю.А. Пономаренко А.М. Собко, Е.В. Фесенко, Н.И. Хавронюк, П.В. Хряпинский, О.А. Ямковая, С.С. Яценко, А.Н. Ященко и др.). Анализ отечественных научных источников свидетельствует, что проблема иных уголовно-правовых последствий еще далека от окончательного решения, не говоря уже о доминировании какой-либо одной устоявшейся позиции, по крайней мере, относительно перечня таких последствий. В этом плане украинской уголовно-правовой науке присущ более узко прагматический подход, ориентирующийся на раскрытие, хотя и всестороннее, но только какого-либо одного вида иных уголовно-правовых последствий.

Лишь немногочисленные исследования украинских авторов можно рассматривать как таковые, в которых предпринимается попытка более-менее системно представить перечень иных уголовно-правовых последствий. Среди работ последнего времени следует выделить научную публикацию Н.И. Хавронюка под названием «Заходи кримінально-правового впливу: які вони бувають». В этой публикации ученый, в частности, отмечает, что под такими мерами, очевидно, следует понимать: судимость, принудительные меры воспитательного характера, кроме случаев применения их к лицу, совершившему общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого может наступить уголовная ответственность; принудительные меры медицинского характера; принудительное лечение; конфискацию (изъятие) и уничтожение определенных предметов, инструментов, сырья и материалов для их производства [33, с. 6].

Если обратиться к анализу отечественной литературы по уголовному праву, вышедшей в свет некоторое время назад и которой так же присущ определенный элемент системного подхода в изложении научного взгляда на проблему, о кото-

рой идет речь, то можно сделать вывод, что к числу иных уголовно-правовых последствий были отнесены, по крайней мере, принудительные меры медицинского характера, принудительное лечение и принудительные меры воспитательного характера. Например, В.М. Трубников и А.А. Яровой однозначно подчеркнули, что к этим последствиям относятся прежде всего принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение, принудительные меры воспитательного характера [30, с. 138]. И.В. Жук прямо отметила, что в уголовно-правовом аспекте принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение не являются наказанием, а относятся к иным уголовно-правовым последствиям общественно опасного деяния [7, с. 6]. При этом отметим, что своеобразием в подходе украинского законодательства к обозначению иных уголовно-правовых последствий является то, что в качестве их самостоятельного вида выделено *принудительное лечение* (ст. 96 УК Украины). Кстати, принудительные меры лечения предусмотрены и в УК Республики Беларусь, однако из законодательных положений этого УК следует, что принудительные меры безопасности и лечения — это единый и неделимый комплекс мер, применяемых к психически больным, совершившим общественно опасные деяния, лицам с уменьшенной вменяемостью, а также к лицам, страдающим хроническим алкоголизмом, наркоманией или токсикоманией. Фактически под мерами безопасности в УК Белоруссии понимается то, что по украинскому законодательству считается принудительными мерами медицинского характера. В свою очередь, по УК Армении принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение употребляются как синонимы.

Относя принудительные меры медицинского и воспитательного характера к иным уголовно-правовым последствиям, лишь заметим, что эти меры применяются не только в связи с совершением преступления, но и в случаях совершения лицами общественно опасных деяний, предусмотренных УК (речь идет, в частности, о невменяемых, а также лицах, не достигших возраста уголовной ответственности). То есть, как видим, данный институт связан не только с преступлениями, но и с общественно опасными деяниями, не признаваемыми по уголовному закону преступлениями, однако признаки которых описаны в нормах Особенной части КК [28, с. 296-301]. В этих случаях складывается впечатление, что уголовный закон выходит за пределы своей «компетенции». Несмотря на возможность такого вывода, применение данных мер, еще раз подчеркнем, связано с совершением именно общественно опасных деяний, которые причиняют или могут причинить существенный вред физическому или юридическому лицу, обществу либо государству и оценка которых таковыми является прерогативой именно уголовного права. И этот факт свидетельствует о *правомерности «вмонтирования» норм об иных уголовно-правовых последствиях, ряд из которых по своей социальной природе не являются нормами уголовного права, в материю законодательства Украины об уголовной ответственности.*

Что касается *конфискации имущества*, то в рассматриваемый временной период (напомним со времени установления советской власти на большей части территории Украины и до сегодняшнего дня) ее относили сначала к системе наказаний, позже — к мерам социальной защиты судебно-исправительного характера и снова к системе наказаний. При этом уголовный закон

советской эпохи фактически предусматривал и такой вид конфискации имущества, который в доктрине уголовного права получил название *специальной* и относительно природы которого, а соответственно и места специальной конфискации в системе уголовно-правовых институтов, и до настоящего времени высказываются различные взгляды. Так, в Научно-практическом комментарии к Уголовному кодексу Украины (2013 г.) отмечается, что специальная конфискация как особая мера принудительного характера распространяется на предметы, признанные вещественными доказательствами по делу (ст. 98 УПК Украины), и применяется на основании ч. 9 ст. 100 УПК Украины. В то же время этот вид конфискации предусматривается и в уголовном законе (более чем в 60-ти санкциях норм Особенной части УК Украины) [16, с. 235].

Если обратиться к уголовному законодательству стран бывшего СССР, то Уголовным кодексом РФ в 2006 г., как уже было отмечено, конфискацию имущества (фактически — «специальная конфискация») признано иной мерой уголовно-правового характера. Раздел VI этого УК был дополнен соответствующей одноименной главой 15¹ «Конфискация имущества». До этого (в 2003 г.) законодатель РФ отказался от конфискации имущества как вида наказания. В УК Молдовы как мера безопасности предусмотрена именно специальная конфискация, случаи применения которой, однако, во многом совпадают с предусмотренными в УК РФ. Причем в ст. 106 УК Молдовы «Специальная конфискация» приведены как определение этой конфискации, так и исчерпывающий перечень имущества, которое подлежит специальной конфискации. Кстати, подобное законодательное решение имеет давние теоретические корни. В специальной литературе в свое время

высказывалось мнение о нецелесообразности сохранения общей конфискации всего или части имущества виновного лица и замене ее конфискацией специальной (орудий и предметов преступления), поскольку общая конфискация нередко затрагивает имущественные интересы невиновных лиц, предусматривает изъятие предметов и вещей, приобретенных, в том числе, законным путем, и др. [9, с. 100-101; 34, с. 41-43]. Как видим, «общая» и «специальная» конфискация, их правовая природа, соотношение и т.п. — это многомерная проблема, разрешение которой требует системности в подходах к вопросам содержания конфискации, ее видов, определения отраслевой принадлежности и др. В любом случае, пытаюсь найти «истину», как кажется на первый взгляд, в замкнутом круге, методологически правильным представляется выделение в законодательстве возможных видов конфискации. Именно таким путем, как будет показано ниже, и пошел украинский законодатель. В настоящее время отечественным законодательством об уголовной ответственности, во-первых, прямо закреплена конфискация имущества как вид наказания; во-вторых, дано определение и установлен перечень тех случаев конфискации имущества, которые, не будучи наказанием, отнесены к иным уголовно-правовым последствиям и обозначены термином «специальная конфискация». В то же время и нормами уголовного процессуального законодательства предполагается, по сути, применение специальной конфискации. Так, исходя из практики признания на основании ст. 100 УПК Украины вещественными доказательствами в уголовном производстве того или иного изъятого имущества, специальной конфискацией охватываются случаи изъятия: 1) денег, ценностей и иного имущества, которые принадлежат обвиняемому и были при-

исканы, изготовлены, приспособлены или использованы как средства или орудия совершения уголовного правонарушения; 2) денег, ценностей и иного имущества, которые предназначались для склонения лица к совершению уголовного правонарушения, финансирования и (или) материального обеспечения уголовных правонарушений или вознаграждения за их совершение; 3) имущества, изъятого из оборота, с целью дальнейшей передачи соответствующим учреждениям или уничтожения; 4) денег, ценностей и иного имущества, которые были объектом уголовного правонарушения или иного общественно опасного деяния, с целью возвращения законным владельцам, а в случае их неустановления — передачи в доход государства; 5) денег, ценностей и иного имущества, приобретенного в результате совершения уголовного преступления, а также доходов от них с целью передачи в доход государства.

Кстати, в юридической литературе в свое время была высказана позиция, что в современном уголовном законодательстве Украины и России предусмотрено несколько различных видов конфискации имущества. Первый из них — это так называемая не уголовно-правовая конфискация имущества (специальная конфискация); вторая — уголовно-правовая конфискация имущества как «иная уголовно-правовая мера», а именно как мера защиты от злоупотреблений виновным правом собственности на определенные вещи; третий (только в УК Украины) — уголовно-правовая конфискация как вид наказания [21, с. 652]. При таком подходе к природе конфискации вообще снимается вопрос об отнесении специальной конфискации к иным уголовно-правовым последствиям, поскольку конфискация, подпадающая под вторую из приведенных разновидностей, проявляется в изъятии

орудий и средств совершения преступления, законно находящихся у лица на праве собственности. Вместе с тем отмечается, что специальная конфискация представляет собой случай закрепления не уголовно-правовой нормы в уголовном законе [21, с. 651].

Некоторая определенность в обозначении правовой природы специальной конфискации была предпринята законодателем Украины. 18 апреля 2013 г. Верховной Радой был принят Закон Украины № 222-VII «О внесении изменений в Уголовный и Уголовный процессуальный кодексы Украины относительно выполнения Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины» [24]. Как было отмечено в Пояснительной записке к проекту указанного Закона, принятие последнего обусловлено необходимостью приведения норм действующего законодательства Украины в соответствие с положениями Уголовной конвенции о борьбе с коррупцией в части введения процедуры специальной конфискации имущества и доходов, полученных от коррупционных деяний.

Для достижения этой цели, во-первых, было изменено название раздела XIV «Принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение» УК Украины на «Иные меры уголовно-правового характера», раздел дополнен новыми статьями 96¹ «Специальная конфискация» и 96² «Случай применения специальной конфискации», определяющими специальную конфискацию, ее предмет и порядок применения, которыми охватывались все санкции норм Особенной части УК, содержащие положение о специальной конфискации;

во-вторых, в санкциях ряда норм Особенной части УК Украины (с изменением названий некоторых из них в связи с исключением термина «взятка») включены положения, прямо указывающие на необходимость применения специальной конфискации (статьи 364 «Злоупотребление властью или служебным положением», 366 «Служебный подлог»; 368 «Принятия предложения, обещания или получения неправомерной выгоды должностным лицом»; 368² «Незаконное обогащение»; 369 «Предложение или предоставление неправомерного преимущества должностному лицу»; 369² «Злоупотребление влиянием»); в-третьих, в новой редакции изложены соответствующие статьи УПК Украины, которыми регулируются вопросы применения специальной конфискации конкретного имущества, в частности, процессуальный механизм ее обеспечения. Следствием принятия этого документа стало введение действенного механизма конфискации имущества и доходов, полученных от коррупционных деяний, что в целом положительно должно повлиять на уменьшение уровня коррупции в государстве, способствовать преодолению негативных последствий от коррупционных деяний и минимизировать ущерб государству, причиняемый совершением коррупционных деяний должностными лицами органов государственной власти и органов местного самоуправления¹.

Однако, уже через год, 13 мая 2014 г. Законом Украины № 1261-VII «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в сфере государственной антикоррупционной политики в связи с выполнением Плана действий по либерализации Европейским Союзом

¹ *Примечание.* Следует обратить внимание на терминологию, примененную в этом Законе. Новый раздел имеет название «Иные меры уголовно-правового характера», хотя в ч. 3 ст. 3 УК Украины указывается на «иные уголовно-правовые последствия» (курсив — наш). Очевидно, такой подход не лишен некоторого влияния со стороны российской законодательной практики.

визового режиму для України» [22] вказаний вище нормативно-правовий акт були внесені суттєві корективи, якими: во-перших, розширено перелік кримінальних діянь корупційної спрямованості, за вчинення яких можливо застосування спеціальної конфіскації (стаття 354 «Підкуп працівника підприємства, установи чи організації», 364¹ «Злоупотреблення повноваженнями посадовцем особою приватного права незалежно від організаційно-правової форми», 365² «Злоупотреблення повноваженнями особами, які надають публічні послуги»); во-других, виключено застосування спеціальної конфіскації за вчинення службового підлогу, передбаченого ст. 366 УК; во-третьох, передбачається, що спеціальна конфіскація застосовується не тільки за умови вчинення кримінального діяння, передбаченого ст. 354 і статтями 364, 364¹, 365², 368-369² розділу XVII Особливої частини УК України, але й за вчинення суспільно небезпечного діяння, підпадаючого під ознаки кримінального діяння, передбаченого вказаними статтями, а також у випадках, коли особа не підлягає кримінальній відповідальності за зв'язком з недостиженням віку, з якого може настати кримінальна відповідальність, або невменяемістю, або звільнюється від кримінальної відповідальності чи покарання за обставинами, передбаченими вказаним Кодексом, крім звільнення від кримінальної відповідальності за зв'язком з істеченням строків давності. Оцінюючи ці новели, слід зауважити, що законодавець України, змінивши редакцію статей 96¹ і 96² УК, тим самим обмежив криміно-правове регулювання спеціальної конфіскації кримінальними діяннями корупційної спрямованості. За межами галузевого регулювання залишилися інші випадки спеціальної

конфіскації, позначені в санкціях норм Особливої частини УК (наприклад, в ст. 201 — «конфіскація предметів контрабанди», в ст. 203¹ «конфіскація і знищення дисків для лазерних систем читання, матриць, обладнання і сировини для їх виробництва», в ст. 203² — «конфіскація ігорного обладнання» і т.п.).

Нескільки слів слід окремо сказати про *деякі новели кримінальних кодексів республік колишнього СРСР* в переліку заходів, які кримінальним законодавством віднесені до інших криміно-правових наслідків. До таких новел, наприклад, можна віднести по УК Молдови обов'язкову хімічну кастрацію в стосовно сексуальних насильників неповнолітніх. Примітно, що Конституційний суд Молдови цю норму визнав неконституційною [14]. Інтересно, що серед інших криміно-правових наслідків (за термінологією УК Молдови — заходи безпеки) в окремій главі вказуються і примусові заходи медичного і виховного характеру, висилка і спеціальна конфіскація. В окремій главі VIII¹, якою доповнено в 2005 г. УК Латвії, передбачені примусові заходи впливу, застосовувані до юридичних осіб. До переліку видів цих заходів відносять: ліквідацію юридичної особи; обмеження прав; конфіскацію майна і грошові вимоги.

23 травня 2013 г. Верховною Радою України прийнято ще один нормативно-правовий акт, який має безпосереднє відношення до проблеми інших криміно-правових наслідків. Розмова йде про Закон України № 314-VII «Про внесенні змін до деяких законодавчих актів України щодо виконання Плану дій по лібералізації Європейським Союзом визового режиму для України відносно-

тельно ответственности юридических лиц» [23]. Этим законом установлены меры уголовно-правового характера, которые могут быть применены к юридическому лицу в связи с совершением его уполномоченным лицом от имени и в интересах юридического лица любого из преступлений, предусмотренных статьями 209, 306, частями 1 и 2 ст. 368², частями 1 и 2 ст. 368¹, статьями 369, 369² УК Украины, либо совершением уполномоченным лицом от имени юридического лица какого-либо из преступлений, предусмотренных статьями 258-258³ УК Украины. Указанным законом УК Украины дополнен новым разделом XIV-1 «Меры уголовно-правового характера в отношении юридических лиц», а также определены основания и общие правила применения к юридическим лицам таких мер уголовно-правового характера, как штраф, конфискация имущества, ликвидация юридического лица. Закон Украины от 23 мая 2013 г. № 314-VII должен вступить в силу с 1 сентября 2014 г. 13 мая 2014 г. этот закон выше уже указанным Законом Украины «О внесении изменений в некоторые законодательные акты Украины в сфере государственной антикоррупционной политики в связи с выполнением Плана действий по либерализации Европейским Союзом визового режима для Украины» был дополнен рядом новых положений. В частности, расширены основания применения к юридическому лицу мер уголовно-правового характера. Это: необеспечение выполнения возложенных на его уполномоченное лицо законом или учредительными документами юридического лица обязанностей по принятию мер по предотвращению коррупции, что привело к совершению любого из преступлений, предусмотренных в статьях 209 и 306, частях 1 и 2 ст. 368³, частях 1 и 2 ст. 368⁴, статьях 369 и 369² УК (п. 2 ч. 1 ст. 96³ УК); совершение уполномо-

ченным лицом от имени и в интересах юридического лица какого-либо из преступлений, предусмотренных статьями 109, 110, 113, 146, 147, 160, 260, 262, 436, 437, 438, 442, 444, 447 (п. 4 ч. 1 ст. 96³ УК). Законом также существенно расширен перечень преступлений, в связи с совершением которых возможна ликвидация юридического лица (ч. 1 ст. 96⁹ УК).

Данные нормативно-правовые акты, на наш взгляд, являются свидетельством компромиссного подхода к проблематике установления в Украине ответственности юридических лиц путем использования законодательства об уголовной ответственности. Одной стороной этого компромисса выступает группа ученых, которые высказывают в доктрине уголовного права радикальную позицию, суть которой заключается в том, что при ограничении круга субъектов преступлений только физическими лицами не раскрывается вся полнота причин наступивших общественно опасных последствий, заключающихся не только в поведении обвиняемого, но и в деятельности организации в целом, которую он представляет [29, с. 467]. Поэтому установление уголовной ответственности юридических лиц создаст условия для быстрой и неотвратимой ответственности, в частности за экологические, некоторые экономические, компьютерные и другие преступления [1, с. 154]. В Украине подобный подход разделяют, в частности, Б.М. Грек, В.К. Гришук, В.Н. Куц, Л.И. Шеховцова и др. Второй стороной этого компромисса является многочисленная группа ученых, которые категорически возражают против установления уголовной ответственности юридических лиц. Видимо, поэтому перед законодателем неоднократно ставился вопрос об установлении принудительных мер воздействия уголовно-правового характера в отношении юридических лиц в несколько

смягченной форме, и действительно, в тексте указанного Закона не использован термин «уголовная ответственность юридических лиц», который, собственно, и был камнем преткновения. Вместо этого законодатель в отношении юридических лиц оперирует словосочетанием «меры уголовно-правового характера». Такое решение, наверное, есть расчетом разработчиков данного Закона на лояльный подход со стороны их оппонентов к указанным нововведениям, которые, считаем важным заметить, «созвучны» с положениями международно-правовых актов. Если обратиться к текстам таких международных документов, ратифицированных Украиной, как Уголовная конвенция о борьбе с коррупцией от 27 января 1999 г., Конвенция ООН «Против транснациональной организованной преступности» от 15 ноября 2000 г. и Конвенция ООН против коррупции от 31 октября 2003 г., то увидим, что они не требуют установления для юридических лиц именно *уголовной* ответственности.

Выводы. Поэтому можно сделать вывод, что указанные конвенционные документы не обязывают Украину устанавливать именно уголовную ответст-

венность юридических лиц за совершение уголовных правонарушений, а лишь рекомендуют выбрать наиболее эффективный вид ответственности юридических лиц, относя этот вопрос на усмотрение государства.

И напоследок поставим еще один вопрос: нужно ли «собирать» все иные уголовно-правовые последствия в одном разделе закона об уголовной ответственности, как это сделано, например, в уголовных кодексах ряда зарубежных стран? Очевидно, проблема размещения нормативного материала в УК решается в соответствии с национальными правовыми традициями того или иного государства. В Украине никогда уголовно-правовые последствия совершения общественно опасных деяний не содержались в отдельном разделе (главе). Эти последствия по своей природе, целям, основаниям применения и др., как неоднократно уже отмечалось, являются весьма разными. Поэтому специальное создание еще одного отдельного раздела в УК будет выглядеть достаточно искусственным. Кроме чисто внешнего, механистического сочетания положений, трудно будет обнаружить логику в необходимости данного шага.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

1. Антонова Е.Ю. К вопросу о целесообразности уголовной ответственности юридических лиц / Е.Ю. Антонова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й Междунар. науч.-практ. конф. — М. : ТК Велби, Проспект, 2007. — С. 152-155.
2. Багрий-Шахматов Л.В. Уголовная ответственность и наказание / Л.В. Багрий-Шахматов. — Минск : Вышэйш. шк., 1976. — 384 с.
3. Батанов А.Н. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера / М.Ф. Костюк, А. Н. Батанов, В.А. Посохова, Т.М. Калипина. М. : Проспект, 2011. — 320 с.
4. Беляев В.Г. Уголовное право и невменяемость / В.Г. Беляев // Вопросы профилактики общественно опасных действий, совершаемых психически больными / отв. ред. : Г.А. Макеев; редкол. : И.М. Ахмедов, В.Г. Беляев и др. — Волгоград : изд-во Волгогр. мед. ин-та, 1981. — С. 14-15.
5. Гребенкин Ф.Б. Меры уголовно-правового характера и их применение / Ф.Б. Гребенкин. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 264 с.
6. Гришко А.Я. Российское уголовно-исполнительное право : курс лекций / под ред. О.В. Филимонова. — М. : Юрид. ин-т МВД России, 2000. — 125 с.

7. Жук І.В. Примусові заходи медичного характеру та примусове лікування у кримінальному праві України : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / І.В. Жук ; Київ. нац. ун-т внутр. справ МВС України. — К., 2009. — 20 с.
8. Звечаровский И. Меры уголовно-правового характера: понятие, система, виды / И. Звечаровский // Законность. 1999. № 1. С. 36-39.
9. Иванов К.Н. Должна ли сохраняться конфискация имущества как вид уголовного наказания / К.Н. Иванов // Сов. государство и право. — 1958. — № 9. — С. 100-101.
10. Калинина Т.М. Иные меры уголовно-правового характера : науч.-практ. comment. / Т.М. Калинина, В.В. Палий. — М. : Проспект, 2011. — 150 с.
11. Келипа С.Г. «Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права / С.Г. Келипа // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 4-й междунар.науч.-практ. конф. — М. : ТК Велби, Проспект, 2007. — С. 283-288.
12. Колмаков П. Понятие и сущность принудительных мер медицинского характера / П. Колмаков // Уголов. право. — 2003. — № 3. — С. 27-29.
13. Коновалова И. Принудительные меры воспитательного воздействия как инструмент предупреждения корыстных преступлений несовершеннолетних [Электронный ресурс] / И. Коновалова // Право и жизнь. 2008. № 125 (8). Режим доступа: <http://www.law-n-life.ru/arch/n125.aspx>. — Загл. с экрана.
14. Конституційний суд проти хімії // Юрид. вісн. України. — 2013. — № 28. — 13-19 лип. — С. 9.
15. Кримінальне право України: Загальна частина : підручник / Ю.В. Александров, В.І. Антипов, М.В. Володько та ін. : відп. ред. Я.Ю. Кондратьєв; наук. ред. В.А. Клименко та М.І. Мельник. К. : Правові джерела, 2002. 431 с.
16. Кримінальний кодекс України. Науково-практичний коментар : у 2 т. / за заг. ред. В.Я. Тація, В.П. Пшонки, В.І. Борисова, В.І. Тютюгіна. — 5-те вид., допов. — Т. 1. — Х. : Право, 2013. — 376 с.
17. Курганов С. Меры уголовно-правового характера / С. Курганов // Уголов. право. 2007. № 2. С. 59-63.
18. Курс российского уголовного права. Общая часть / Бородин С.В., Келипа С.Г., Кригер Г.Л., Кудрявцев В.Н. и др. : под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумов. — М. : Спарк, 2001. — 767 с.
19. Меджидова А.Б. Принудительные меры медицинского характера / А.Б. Меджидова // Рос. юстиция. — 2007. — № 1. — С. 37-38.
20. Назаренко Г.В. Конфискация имущества как мера уголовно-правового характера / Г.В. Назаренко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Рос. Конгресса уголов. права, 29-30 мая 2008. — М. : Проспект, 2008. — С. 83-85.
21. Пономаренко Ю.А. Конфискация имущества в уголовном праве и законодательстве / Ю.А. Пономаренко // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты : материалы III Рос. Конгресса уголов. права, 29-30 мая 2008. М. : Проспект, 2008. С. 651-652.
22. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України у сфері державної антикорупційної політики у зв'язку з виконанням Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України : Закон України від 13 травня 2014 р. № 1261-VII // Офіц. вісн. України. — 2014. — № 45. — Ст. 1182.
23. Про внесення змін до деяких законодавчих актів України щодо виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України стосовно відповідальності юридичних осіб : Закон України від 23 травня 2013 р. № 314-VII // Відом. Верхов. Ради України. — 2014. — № 12. — Ст. 183.
24. Про внесення змін до Кримінального та Кримінального процесуального кодексів України стосовно виконання Плану дій щодо лібералізації Європейським Союзом візового режиму для України : Закон України від 18 квітня 2013 р. № 222-VII // Відом. Верхов. Ради України. 2014. № 11. Ст. 131.
25. Российское уголовное право : курс лекцій: в 2-х т. Т. 2: Наказание / под ред. А.И. Коробеева. — Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 1999. — 500 с.

26. Российское уголовное право : учебник: в 2-х т. Т. 1 : Общая часть / Г.Н. Борзенков и др.; под ред. Л.В. Иногамова-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рарога. — М. : ТК Велби, Проспект, 2006. — 520 с.
27. Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 506.
28. Скрипченко Н. Ю. К вопросу о понятии мер уголовно-правового характера / Н. Ю. Скрипченко // Ежегодник уголов. права. — № 6. — 2012. — С. 296-301.
29. Тер-Акопов А. А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве / А. А. Тер-Акопов. — М.: Юркнига, 2003. — 480 с.
30. Трубников В. М. Принудительные меры медицинского характера и принудительное лечение: проблемы, поиски, решения / В. М. Трубников, А. А. Яровой // Право і безпека. — 2003. — № 2'3. — С. 138-144.
31. Уголовное право России: Часть Общая : учебник / Р. Р. Галиакбаров, И. Я. Козаченко, Л. Л. Кругликов и др. ; отв. ред. Л. Л. Кругликов. 3-е изд. М. : Проспект, 2012. 568 с.
32. Филимонов В. Понятие и классификация мер уголовно-правового характера / В. Филимонов // Уголов. право. — 2012. — № 4. — С. 35-41.
33. Хавронюк М. І. Заходи кримінально-правового впливу: які вони бувають / М. І. Хавронюк // Юрид. вісн. України. — 2013. — 25-31 трав. — № 21 (934). — С. 6-7.
34. Цветанович А. Л. Дополнительные наказания в советском уголовном праве / А. Л. Цветанович. — Калининград : КГУ, 1980. — 68 с.
35. Энциклопедия уголовного права. Т. 12 : Иные меры уголовно-правового характера. СПб. : изд. проф. Малипина СПб : ГКА, 2009. 463 с.

Борисов В.І., Батиргареева В.С.

Інші кримінально-правові наслідки вчинення суспільно-небезпечного діяння.

Анотація. Стаття присвячена проблемі визначення змісту поняття «Інші кримінально-правові наслідки», яке на сьогоднішній день в кримінальному законодавстві України не розкривається. Стверджується, що незважаючи на те, що законодавець в КК України 2001 р. намагався падати більше визначеності та чіткості у питанні правової регламентації вказаного інституту, однак лише шляхом системного тлумачення нормативного матеріалу, аналізу суджень вчених та дослідження історії законодавчого вирішення даної проблеми в ті або інші періоди розвитку нашої держави, можна встановити перелік інших, крім покарання, видів кримінально-правових наслідків. В статті проаналізовані відповідні законодавчі новачі в сучасному кримінальному праві України. Особлива увага приділена правовій природі спеціальної конфіскації та відповідальності юридичних осіб.

Ключові слова: покарання, інші кримінально-правові наслідки, примусові заходи медичного та виховного характеру, спеціальна конфіскація, відповідальність юридичних осіб.

BorISOV V.I., Batyrhareeva V.S.

Other criminal legal consequences of a socially dangerous act.

Summary. Article is devoted to the problem of definition of what is "other criminal legal consequences", which is not yet defined by criminal legislation of Ukraine. It is alleged that in spite of the attempts of the legislator to define in the Criminal code of Ukraine of 2001 more clearly what is this institute, only by systematic interpretation of normative material, analysis of scientists' opinions and history research of legislative way to resolve this problem, it will be possible to define other criminal legal consequences of a socially dangerous act. Relevant innovations in criminal law are analysed. Special attention is paid to the legal nature of the special confiscation and liability of legal persons.

Keywords: punishment, other criminal consequences compulsory measures of medical and educational nature, special confiscation, liability of legal persons.